

На следующий день Дуань Лин получил совершенно неожиданное известие.

Пятидесятитысячное войско Северного командования вошло в Цзянчжоу, но не во внутренний город. Вместо этого они расположились во внешнем районе, за рекой Юй, огибающей Цзянчжоу.

Му Цин еще не проснулся к завтраку, а Му Куанда, по сравнению с предыдущей встречей, выглядел более бодрым. После того как Дуань Лин принял поданную служанкой кашу, он велел слугам удалиться, а У Ду закрыл дверь и преданно остался стоять на страже снаружи.

— Этому самозванцу кто-то дает советы, — сказал Му Куанда, слегка сведя брови. — Скорее всего, это Фэн До.

— Кто такой Фэн До? — серьезно спросил Дуань Лин.

— Стратег Теневой стражи, — ответил Му Куанда. — Они отправили Теневую стражу, что довольно подозрительно. Но Чан Люцзюня нет, поэтому я не смог получить никакой информации. Что же он задумал?

— Пусть У Ду сходит и разведает, что они делают, — предложил Дуань Лин.

— Нет необходимости. Сосредоточься на своей работе. Цзиньчжи прямо там, во дворце, так что если я действительно захочу об этом узнать, то найду способ.

— О чем он вообще думает? — спросил Дуань Лин.

— Он хочет, чтобы мы держали фракцию Су Фа из канцелярии в узде, — спокойно ответил Му Куанда. — Стремится заручиться поддержкой Хань Биня. Таким образом, если Се Ю когда-нибудь выступит против него, ему будет на кого опереться. Если Хань Бинь жаждет власти, то ему придется что-то делать с Се Ю. А если он использует Хань Биня, чтобы устранить меня, твоего учителя, и затем избавится от Се Ю, то он будет в полной безопасности.

— Но тогда он и сам станет марионеткой Хань Бина.

— Это лучше, чем быть мертвым и похороненным в безымянной могиле, когда его план будет раскрыт, — сказал Му Куанда. — Когда-то я думал оставить его в живых и помочь ему взойти на трон, но этот парень и вправду слишком непослушен.

Дуань Лин кивнул. Му Куанда на мгновение задумался, а затем произнес:

— Не бери в голову. Тебе все равно лучше встретиться с Се Ю. Давай сначала выведем Яо Фу из этой игры. Разберемся с ними по очереди.

— Слушаюсь.

— По большому счету, скажешь ему то, о чем мы говорили вчера вечером, — добавил Му Куанда, — Но, проведя всю ночь в раздумьях, я пришел к выводу, что некоторые детали нужно изменить.

Му Куанда перечислил, что Дуань Лин должен сказать при встрече с Се Ю, и он все запомнил. В конце концов Му Куанда заставил его повторить все еще раз, и Дуань Лин доказал, что он справится, после чего Му Куанда произнес:

— Ступайте.

Когда Дуань Лин и У Ду вышли из здания, они заметили, что под крытой галереей ждал человек, похожий на солдата, но не выглядящий южанином. Как только они ушли, он направился внутрь, чтобы увидеть Му Куанду.

Это, несомненно, посыльный Хань Биня. Дуань Лин бросил взгляд на У Ду, и тот понимающе кивнул.

В поместье Му для них приготовили карету с тем же старым глухонемым кучером, чтобы отвезти их в официальную военную резиденцию Се Ю. В повозке Дуань Лин тихо спросил:

— Что мне сказать?

И хотя они не опасались, что их будут подслушивать, У Ду все равно прильнул губами к уху Дуань Лина, прошептав:

— Его Величество велел передать Се Ю, чтобы он остерегался Хань Биня и был готов к тому, что его в любой момент придется устранить.

После этих слов Дуань Лин наконец-то успокоился.

Резиденция Се Ю поражала аскетичностью. Этот человек занимал ключевой пост в Цзянчжоу и уже много лет контролировал одни из важнейших вооруженных сил, однако, как и прежде, вел скромный образ жизни, так и не женившись и не обзаведясь потомством.

Дуань Лин очень нервничал перед встречей с Се Ю — это была их первая официальная встреча при таких обстоятельствах, да еще и по такому важному поводу, что ему казалось, будто в груди раздаются удары барабанов.

Но как только стражники Черных Доспехов узнали, что прибывший человек — Ван Шань, они не чинили никаких препятствий. Они пропустили его и У Ду и сказали подождать в главном

зале, пока об их визите объявят Се Ю.

И все же, как только посыльный ушел, он пропал на целых четверть часа. Дуань Лин чувствовал беспокойство, гадая, чем же занят Се Ю. К тому времени, как Се Ю поспешил в комнату, прошел уже почти час.

Сегодня он был одет не в доспехи, а в черное одеяние мастера боевых искусств, и, едва войдя в комнату, выпроводил оттуда охранников.

Не успел Дуань Лин спросить, можно ли поговорить наедине, как Се Ю сказал ему:

— Я знал, что ты вернешься.

Дуань Лин подумал: «Почему все так уверены, что я вернусь? Неужели это так очевидно?»

— Видите ли, генерал... — начал Дуань Лин.

Се Ю шагнул вперед.

— Ты сын Дуань Сяовань.

Дуань Лин был шокирован услышанным, и после короткого замешательства спросил:

— Генерал Се, вы уже все знаете?

С покрасневшими глазами Се Ю тихо спросил:

— Где похоронена твоя мать?

— Она... похоронена на кладбище на холме... за Жунанью.

Прошлое мгновенно всплыло перед Дуань Лином, повергая его в полное оцепенение.

— Перед тем как умер твой отец, он попросил меня перенести ее гроб сюда и похоронить в императорской усыпальнице вместе с ним.

— Я... Как только здесь все уляжется, я сделаю это сам.

В комнате царила полная тишина, Дуань Лин и Се Ю были погружены каждый в собственные

переживания. Прошло много времени, прежде чем Дуань Лин заговорил:

— Я могу называть вас дядей Се?

Взгляд Се Ю отяжелел от печали. Он посмотрел на Дуань Лина и наконец кивнул.

— Как вы познакомились с моей матерью? — спросил Дуань Лин.

— К югу от Желтой реки, во время цветения персиков, я видел ее всего раз, — голос Се Ю звучал хрипло и глухо. — Твой отец действительно покойный император? Не шути со мной.

Дуань Лин улыбнулся. Он кивнул, достал из-под одежды нефритовую дугу и протянул ее Се Ю. Тот взял ее и пригласил Дуань Лина сесть рядом с ним. Он внимательно изучил нефритовую дугу, после чего передал обратно Дуань Лину.

— Это дуга «ян». Ее владелец правит императорским двором, а другая — дуга «инь», обладатель которой властвует над миром боевых искусств. Если я не ошибаюсь, то, скорее всего, именно такую носил твой дядя, когда был жив.

— Так ли важна разница? — спросил Дуань Лин.

— Конечно. Когда твой отец пришел одолжить у меня войска, он владел дугой «инь», поэтому, согласно правилам, я не мог посылать солдат ему на помощь, но он сказал мне, что дуга «ян» находится в твоих руках, что ты — будущий правитель, а он лишь держит ее в доверительном управлении — так, у меня не осталось выбора, кроме как послать войска.

Дуань Лин взглянул на слова «Процветающее царство» на дуге, вспомнив, что та, которую Лан Цзюнься вручил ему много лет назад, на самом деле была другой, с надписью «Величественная империя» и выгравированными на ней символами «инь» и «ян». Позже, когда его отец приехал в Шанцзин, он поменялся с ним дугами. Дуань Лин только сейчас понял, что все это значило.

— Кто их сделал? — спросил Дуань Лин.

— Семьсот лет назад это была реликвия секты боевых искусств под названием «Павильон Солнца». Согласно легенде, в те беспокойные времена войны Небесный Владыка Хао Тянь* низвергнул в мир смертных осколок звездного нефрита и меч, способный усмирять демонов. Они упали с небес как метеоры, дабы подавить зло и очистить сердца людей. Мастер из Павильона Солнца вырезал из звездного нефрита единую нефритовую подвеску царства, а меч перековали в длинный клинок из черной стали — Безымянную саблю. Позже их передали потомкам павильона.

* Пять верховных божеств небес, представляемых как единое божество.

— Когда в мире наступал хаос, звездные боги-хранители небес покидали свои посты и за звездным нефритом спускались в мир смертных, дабы успокоить мировую скорбь. Во времена династии Цзин подвеска досталась императору Чжэн-цзуну, а Безымянная сабля — генералу Бай Цзыюаню. Так эти артефакты стали передаваться из поколения в поколение.

— Позже, когда иноземные племена вторглись в страну, а ученые мужи бежали на юг, нефритовая подвеска последовала за ними. А когда император Ин-цзун отвоевал север, она была вывезена за пределы империи. При династии Лян она была возвращена на центральную равнину. В день падения Великой Лян Хэ Юнь захватил Цзиньлин*. Владелец Безымянной сабли, императорский стражник Чжэн Син, убил императора Лян Сяо-цзуну, а затем покончил с собой. И в тот день, когда Безымянная сабля убила своего хозяина, нефритовая подвеска была разрублена на две части, — тихо произнес Се Ю. — Двенадцать лет спустя Хэ Юнь был убит, и две нефритовые дуги снова были утеряны. Безымянная сабля попала в руки клана Чжан из Сычуани, а когда империя перешла к основателю Юй, нефритовые дуги снова вернулись к императорскому двору.

* Цзиньлин — древнее название Нанкина, которое означает «золотой холм».

— После этого, — сказал Дуань Лин, — снова вторглись чужеземные племена, династия Юй пала, Безымянная сабля попала в руки хунну и была перекована рабом-кузнецом из Жужани в три меча...

— Да. Все это — дела давно минувших дней. Победив, Ваньлифу вернул себе Безымянную саблю, а покойный император получил нефритовую дугу.

Дуань Лину вдруг пришло в голову, что если нефритовая дуга принадлежит Сыну Неба, то она должна была находиться у его деда. Как же получилось, что обе нефритовые дуги оказались в руках его отца? Кроме того, он, похоже, так и не вернул их императорскому двору.

Осознав это, Дуань Лин внутренне содрогнулся — но, с другой стороны, все это было вполне объяснимо.

Его отец наверняка считал, что Великая Чэнь должна принадлежать ему — ведь именно он должен был стать будущим императором, поэтому он отказался отдать нефритовую дугу. Ему оставалось лишь дожидаться смерти отца, чтобы законно унаследовать трон.

Возможно, именно по этой причине его подставили Чжао Куй и Му Куанда, да и дед был им крайне недоволен, поэтому закрыл глаза, когда они выдвинули против отца ложные обвинения.

По спине Дуань Лина пробежал холодок, и он внутренне вздохнул.

— В молодости все мы полны высокомерия, — сказал Се Ю. — Слово вся Поднебесная лежит на ладони, когда речь идет о своем, никогда это не отпустим. Одно его слово могло спасти десять тысяч человек, и так же легко могло обречь их на смерть. В этом ты не похож на своего

отца. Ты — как Сяовань. Великодушен, и это хорошо.

Когда Дуань Лин поднял глаза и встретился взглядом с Се Ю, они поняли, что оба думают об одном и том же. Когда у его отца отняли военную власть, Се Ю не только не должен был посылать войска на помощь, но и вместе с Чжао Куем уничтожить его.

К счастью, в конце концов сам Чжао Куй не выдержал, взял старого императора в заложники и попытался узурпировать трон. Это и спасло Се Ю и Ли Цзяньхуна от неизбежной размолвки.

Из этой партии не вышло ни одного хорошего яйца — единственное, что пришло в голову Дуань Лину. Но что бы отец ни совершил — даже если бы он стал тираном, обременявшим народ непомерными налогами, или кровожадным убийцей, сеющим смерть, — для Дуань Лина он навсегда останется отцом. Тем самым человеком, что под цветущим персиком подарил ему новую жизнь.

Се Ю тактично не стал развивать эту тему и продолжил:

— После падения Шанцзина Улохоу Му привез наследного принца, императорские доспехи и обе нефритовые дуги*. Поскольку наследный принц должен был возглавлять Теневую стражу и четырех великих убийц, ему досталась дуга «инь», а четвертый принц оставил себе дугу «ян» и взошел на императорский трон.

* Это ошибка Фэйтяня или Се Ю. Лан Цзюнься вернул Цай Яню нефритовую дугу Дуань Лина и Вань Ли Бэнь Сяо, так как он, очевидно, не вернулся в Шанцзин после того, как нашел Цай Яня. У Ду вернул тело, доспехи и нефритовую дугу Ли Цзяньхуна.

Солнечный свет, проникая в комнату, падал на нефритовую дугу. Она прошла семь столетий войн и мира, расцвета и падений, но ее сияние осталось неизменным.

Сколько императоров держали ее в руках? Среди владельцев были те, кто вершил великие дела, и те, кто был лишен Небесного Мандата. И вот теперь она перешла к нему.

— Значит, я тоже воплощение звездного духа? — спросил Дуань Лин.

— Этого я не знаю, — с улыбкой ответил Се Ю, — это всего лишь легенда. Черные Доспехи тоже были основаны одним из обладателей Безымянной сабли.

Во внутреннем дворе У Ду обернулся, чтобы рассмотреть стражников Черных Доспехов, стоящих на посту. Одно дело, когда эти парни так одеты зимой, но разве летом они тоже ходят в такой одежде? Им не жарко? Черная броня в любом случае поглощает тепло, а в середине лета этот черепаший панцирь может раскалиться до такой степени, что на нем можно

приготовить яичницу, так что если ты внутри, то наверняка будешь поджарен до готовности.

— Ты, подойди-ка, — У Ду узнал одного из тех, кто ранее донимал его, и поманил того пальцем.
— Давай я тебе кое-что покажу.

Солдат стоял недвижимо, словно изваяние. У Ду поднялся, направившись к нему, и тот вдруг закричал:

— Генерал Се! Генерал Се!

Се Ю, возможно, ранее сказал им звать его, если им будет досаждать У Ду. Услышав перепуганные крики стражи снаружи, он вышел, распахнув дверь.

— У Ду, — произнес Се Ю. — Надеюсь, ты простишь меня за все те случаи, когда я обидел тебя или был невнимателен.

Сказав это, Се Ю сжал руку в кулак и поклонился. У Ду, удивленный, внимательно осмотрел его и ответил:

— Забудь. Я прощу этих детей под твою ответственность.

— Ты завоевал мое уважение своими поступками, — серьезно произнес Се Ю. Когда все уляжется, обязательно скрестим клинки.

— Жду не дождусь, — отозвался У Ду.

Дуань Лин кивнул Се Ю. Они уже закончили обмениваться информацией, и Се Ю хотел задержать его подольше, но Дуань Лин опасался, что длительное отсутствие вызовет подозрения у Му Куанды. Впереди еще много времени, спешить некуда. Они попрощались, и Дуань Лин отправился обратно.

— О чем вы говорили? — прошептал У Ду.

— Я рассказал ему все, что мне велели передать. Он знал мою мать.

У Ду невзначай отметил:

— Все до единого раскаиваются, но ни один из них не отправился на твои поиски.

— Все не так. Се Ю мне не отец, так что, в конце концов, ему не следовало вмешиваться в семейные дела Дуань. Не говоря уже о том, что он узнал о моем существовании только тогда,

когда мой отец вернулся в Сычуань.

Видимо, в прошлом Се Ю питал чувства к матери Дуань Лина — глубоко скрываемые, подавленные, которые тот все же уловил. Именно из-за этой привязанности они избегали упоминаний о некоторых страницах ее жизни. Но из слов, сказанных отцом и Се Ю, он смог собрать примерный образ: его мать была одновременно непреклонной и нежной.

Он понял это по тому, что она спасла жизнь Лан Цзюнься, уговорив отца не убивать его. Более того, она отвергала ненужную бойню и желала, чтобы жители центральной равнины жили счастливо и мирно.

Прошлое, словно цикл, втянуло слишком многих: Ли Цзяньхуна, Ли Яньцю, Му Куанду, Се Ю, Дуань Сяовань, Лан Цзюнься... Наконец пришло время, чтобы все эти истории о затаенной обиде и неоплаченной доброте вышли на свет.

— Смотрю на горы, вспоминаю близких лица. Цветов бутоны буря сбила, как смириться. А кто сегодня нам мешает насладиться? — произнес У Ду*.

* Стихотворение Янь Шу, династия Сун. Перевод — Вячеслав Челноков.

— С чего это вдруг ты это вспомнил? — Дуань Лин улыбнулся и обнял У Ду, прильнув к его плечу.

— Когда-то жена учителя переписала это стихотворение, — ответил У Ду. — Запечатала конверт и оставила письмо на столе, но ему было не до него. Он был вечно занят то алхимией и поиском бессмертия, то великими делами государства.

Карета проезжала мимо «Лучшей лапши в мире». Дуань Лин очень хотел проведать Ли Яньцю, но в конце концов сдержался. У Ду сказал:

— Давай выйдем и съедим по миске лапши. Мы уже сто лет сюда не заходили.

Дуань Лин опасался, что Му Куанда может что-то заподозрить, но если они просто молча возьмут по миске лапши, то все будет в порядке.

— Да, — в итоге ответил Дуань Лин. — Я хочу вонтоны.

Когда У Ду завел Дуань Лина внутрь, Дуань Цзыфэн стоял у прилавка и протирал его. Сейчас был перерыв между приемами пищи, так что в этот раз в лапшичной было не так много людей.

— Есть свободные места на втором этаже? — спросил Дуань Лин.

Дуань Цзыфэн поспешно указал наверх, приглашая подняться, а затем постучал бамбуковой трубкой в дверь кухни. У Ду велел приготовить миску вонтонов и миску лапши и подать их наверх, после чего поднялся вместе с Дуань Лином и сел напротив него.

Дуань Лин до сих пор помнил тот день, когда они впервые пришли сюда. Тогда У Ду весь раскраснелся, был очень взволнован и бормотал что-то невнятное. В тот момент Дуань Лин не придавал этому значения, но теперь, вспоминая, понял: в те дни чувства У Ду буквально светились в каждом его жесте.

Он слегка коснулся ногой У Ду под низким столиком, и тот растерянно спросил:

— Что?

Осенний ветер шелестел за окном. Весной в Цзянчжоу цвели персиковые деревья, а осенью клены окрашивались в огненно-красный цвет.

— Ничего, — усмехнулся Дуань Лин. — Просто вспомнил, как два года назад зимой ты привел меня сюда.

У Ду фыркнул:

— Иной раз ты и правда невыносимо глуп.

— Что значит глуп? — возразил Дуань Лин. — Просто я тогда ничего не знал.

У Ду махнул рукой, сдаваясь, а Дуань Лин, пристально глядя на него, протянул:

— Эй.

У Ду вопросительно поднял бровь.

— Когда ты в меня влюбился? — спросил Дуань Лин.

У Ду скривился, словно от боли, и снова покраснел:

— Хватит дурачиться. Поедим и пойдем обратно.

Каждый раз, когда Дуань Лин касался темы чувств, У Ду терялся, переводил разговор или отшучивался. И от этого Дуань Лину еще сильнее хотелось подразнить его.

— Если не скажешь сейчас, — произнес Дуань Лин, — потом возможности не будет.

— Это ты сначала скажи, — парировал У Ду. — Как мне кажется, ты просто привязался ко мне потому, что у меня большой член, я хорош в сексе и прекрасно ублажаю тебя в постели. А когда я состарюсь и растеряю свою красоту, ты сразу сбежишь к другому.

Теперь настала очередь Дуань Лина краснеть.

— Я... э-э... — заторопился он. — Если бы ты не научил, я бы вообще ничего не знал! погоди, дай подумать...

К удивлению У Ду, Дуань Лин серьезно задумался, а через некоторое время произнес:

— В тот день... на городской стене Тунгуань. Ну... наверное, тогда.

У Ду сначала недоумевал, но потом вспомнил: тогда он, облаченный в доспехи, бросился спасать Дуань Лина и вернулся весь в ранах. Этот день ему хотелось бы стереть из памяти.

— Твоя очередь, — сказал Дуань Лин. — Когда это случилось?

У Ду задумался, и, когда он уже собрался ответить, кто-то принес им вонтоны.

— Наслаждайтесь, — произнес Лан Цзюнься.

Дуань Лин вздрогнул и подсознательно принял оборонительную позу, но Лан Цзюнься, сохраняя свой обычный молчаливый вид, поставил на стол деревянный поднос.

На нем лежали миска лапши, миска вонтонов и письмо.

Дуань Лин уже не был так напряжен при виде Лан Цзюнься, как раньше, и спросил

— Как ты сюда попал?

— Я ухожу, — невозмутимо ответил Лан Цзюнься.

У Ду взял письмо, бросив на него враждебный взгляд, после чего Лан Цзюнься спустился вниз. Через мгновение послышался стук копыт — он и вправду уехал.

У Ду вскрыл конверт и, читая письмо, нахмурил брови.

— Что там? — спросил Дуань Лин, испытывая легкое беспокойство.

— Через несколько дней наступит Праздник середины осени, и в этот вечер Му Куанда устроит банкет. Он хотел бы, чтобы на нем присутствовали наследный принц и придворные чиновники. Интересно, чего он добивается?

Это письмо Лан Цзюнься собирался передать владельцу «Лучшей лапши в мире», который, в свою очередь, должен был передать его Ли Яньцю. Лан Цзюнься еще не знал, что Дуань Лин и У Ду вернулись в поместье Му.

После этой новости в голове Дуань Лина всплыла сцена из учебников истории, когда старый император поджег своих чиновников на банкете в честь Праздника середины осени*. Он тихо подумал про себя: хорошо, что я вернулся к Му Куанде, иначе я никак не смог бы понять, в чем дело.

* Отсылка на одну из первых сцен в «Орлиный страж».

— Давай вернемся и расспросим всех, выясним, что происходит, — Дуань Лин подозревал, что Му Куанда и Хань Бинь что-то замышляют, но сначала он должен был узнать, кто будет присутствовать на этом банкете.

В Восточном дворце Цай Янь только что очнулся от послеобеденного сна и выглядел слегка растерянным. На его столе лежало приглашение Му Куанды.

— Необычно, — Цай Янь закончил читать его и произнес. — Покойный император еще не похоронен, поэтому все торжества во дворце отменены. Как дерзко с его стороны.

— На самом деле это вполне допустимо, — искренне ответил Фэн До. — Когда император У скончался, покойный император устроил банкет под предлогом «утешения чиновников и умиротворения их скорби». Прежде чем Ваше Высочество взойдет на трон, вам также следует устроить «проводы» с гражданскими и военными чиновниками.

— Канцлер Му издал этот императорский указ от имени вдовствующей императрицы. Поскольку все случилось в преддверии Праздника середины осени, а дворец все еще в трауре, она хотела бы побыть в тишине и покое. Банкет по случаю Праздника середины осени будет перенесен в поместье Му, на него приедет наследный принц, а канцлер Му будет принимать гостей. В сложившихся обстоятельствах это приемлемо.

— Кто на нем будет? — спросил Цай Янь.

— Я попросил Улохоу Му выяснить это. Обязательно придет Се Ю, и Хань Бинь, скорее всего,

тоже. Что касается тех трех шутов из канцелярии... возможно, там будет Су Фа, а остальные — Хуан Цзянь и ему подобные.

— Ван Шань пропал без вести, — Цай Янь расхаживал взад-вперед. — Это меня очень беспокоит.

— Не волнуйтесь, Ваше Высочество. Даже если появится Ван Шань, канцлер Му не сможет ничего предпринять. Но если Ван Шань все-таки покажется, это даст нам шанс перехватить инициативу.

— Как ты думаешь, где он может быть?

— Думаю, У Ду был тяжело ранен в ту ночь, когда убийцы устроили засаду. Вот почему они не смеют действовать необдуманно. В битве один против сотни, даже если он был облачен в императорские доспехи, ему не удалось бы уйти невредимым. В лучшем случае велика вероятность, что У Ду уже умер от ран.

— Что скажет Му Куанда? — Цай Янь достаточно хорошо знал Му Куанду, чтобы понять, что он не станет что-то делать бесцельно. Скорее всего, устраивая банкет в честь Середины осени, он пытается усыпить бдительность Цай Яня, притворившись, что присягнул ему на верность.

Что до текущей ситуации, то Цай Янь по-прежнему был настроен оптимистично. С того момента, как Фэн До узнал его истинную личность, он стал действовать осмотрительнее, продумывая каждый шаг. Возможно, ему с самого начала не стоило скрывать правду от Фэн До.

Хотя он так и не смог избавиться от Дуань Лина и У Ду, он хотя бы выиграл время.

Фэн До, долго размышляя, наконец сказал:

— Есть вероятность семь из десяти, что он настроен присягнуть Вашему Высочеству на верность.

— А что насчет остальных трех из десяти?

— Остальные три из десяти — вероятность того, что он завладел какими-то уликами, о которых мы ничего не знаем, — хмуро ответил Фэн До. — Но вероятность крайне мала, если только он не планирует сразу же выступить против вас. В противном случае с его стороны было бы неразумно показывать сейчас свое последнее преимущество. Ваше Высочество, если позволите спросить, вы уже прояснили историю с Улохоу Му?

— Да, — ответил Цай Янь, все еще испытывая неловкость при этом вопросе и отводя взгляд от Фэн До. Хотя он знал, что рассказать ему — единственный выход, но каждый новый человек,

посвященный в тайну, повышал уровень опасности.

После того, как Фэн До узнал его секрет, Цай Янь охватило тревожное чувство неуверенности, словно его слабость в любой момент могут использовать против него.

— В те времена мой дед, отец, мать... — тихо произнес Цай Янь. — Сто семнадцать членов семьи Цай, некоторые из них были изгнаны, другие казнены...

Услышав это, Фэн До на мгновение онемел от шока.

— Вы Цай из Гуаньчжуна? — прошептал Фэн До.

— Да. Дальние родственники твоей старшей сестры, клан Цай. Император Ляо уверовал в заговор, направленный против нас, и по совету Хань Вэйюна из Южной администрации казнил всю мою семью. Когда мы со старшим братом бежали в Чжунцин, чтобы просить убежища у Елюй Даши, мне было очень страшно. Солдаты преследовали нас всю дорогу...

Цай Янь погрузился в воспоминания, а Фэн До молча стоял рядом. Прошло много времени. Приблизились шаги — это вернулся Лан Цзюнься.

— Ну что? — Цай Янь взглянул на Лан Цзюнься.

— Генерал Черных Доспехов Се Ю, советник канцелярии Су Фа, секретарь Чэн Юань, генерал Северного командования Хань Бинь, Хуайинхоу, Яо Фу и губернатор Шаньдуна Чжэн Цинь.

В окружении стольких людей Му Куанде, скорее всего, не удастся ничего проверить.

— А Чжэн Янь? — Цай Янь вспомнил о забытом человеке. После смерти Ли Яньцю тот казался потерянным. Хотя он и проводил большую часть времени в Восточном дворце, но говорил мало. Позже, видя, что Чжэн Янь так и не оправился от потрясения, Цай Янь позволил ему свободно перемещаться по городу, но запретил покидать Цзянчжоу.

— В последние дни он часто выпивает в «Лучшей лапше в мире», — ответил Лан Цзюнься.

Цай Янь почти не сомневался в Чжэн Яне. Самое большее, что тот мог сделать — это сохранить верность Хуайинхоу Яо Фу, и, возможно, перейти на его сторону. Но за прошедшее время Яо Фу так и не встретился с Чжэн Янем, и эти опасения развеялись.

— С кем мне встретиться следующим? — Цай Янь заставил себя сосредоточиться.

— С Яо Фу, — ответил Фэн До. — Теперь у нас есть поддержка Се Ю и Хань Биня, так что

следующим должен стать Яо Фу.

— С кем мне встретиться следующим? — спросил Дуань Лин, вернувшись в поместье канцлера.

У Ду немного подумал, прежде чем ответить:

— Теперь на нашей стороне Се Ю. Не хочешь навестить Яо Фу?

Яо Фу еще не знал, что Ли Яньцю жив. Может, Дуань Лин и не хотел бы основывать свои догадки на худших предположениях о человеческой природе, но с позиции Яо Фу Ли Яньцю был мертв, и если тот промолчит, то у Дуань Лина не будет свидетелей, которые могли бы подтвердить его личность.

Пожалуй, тот, кого он решит поддержать, сможет стать новым императором. Дуань Лин убедился в сказанном ранее Ли Яньцю — именно из-за страха перед Хуайинхоу Чжао Куй перенес столицу в Сычуань. Хуайинхоу мог внешне казаться доброжелательным и безобидным, но едва ли все ограничивалось этими качествами.

Рано или поздно клан Ли избавится от местного деспота Яо Фу и завершит централизацию власти в Великой Чэнь. И Яо Фу был прекрасно об этом осведомлен. Все будет зависеть от того, к какому соглашению придут обе стороны.

Нынешний Цзянчжоу напоминал игру в вэйци, в которой Дуань Лин и Цай Янь постоянно расставляли фигуры на доске. У Цай Яня было все, что ему требовалось; а у Дуань Лина же изначально были лишь четыре великих убийцы, а теперь добавился еще и Се Ю.

— Я рассказал ему все, что вы хотели, — произнес Дуань Лин.

— И что он ответил? — спросил Му Куанда.

— Он не удивился, — произнес Дуань Лин, сидя на коленях перед низким столиком и потягивая чай. — Вернее, мне показалось, что он не был удивлен.

— Се Ю — человек расчетливый, и большую часть времени не проявляет эмоций. В день кончины Его Величества он не проронил ни слезинки — даже не потрудился сделать вид.

— Когда я говорил, он чуть не убил меня.

— Он просто проверял тебя, — Му Куанда поднялся. — Что еще он сказал?

— Сказал, что в любой момент может раздавить меня как букашку, и велел быть осторожнее... Я ответил, что даже если сейчас меня арестуют — мне все равно...

Му Куанда отмахнулся. Его совершенно не интересовало, как Дуань Лину удалось вернуться живым. Этот ученик обладал удивительным везением, всегда выходил сухим из воды, а его мастерство притворяться простаком и ловко парировать словами не имело себе равных. Внешне он казался преданным, но на деле всегда сидел на двух стульях. Вполне возможно, что даже когда Му Куанда отправится на тот свет, этот парень все еще будет жить припеваючи.

— В конце концов он велел мне уйти, — сказал Дуань Лин. — Сказал, что из-за моих заслуг в спасении императора пощадил мне жизнь. Приказал покинуть Цзянчжоу и как можно скорее вернуться в Е. Иначе в следующий раз, когда нависнет смертельная угроза, он не станет меня спасать.

— Все-таки он узнал, — произнес Му Куанда.

— Он непременно узнал бы, — ответил Дуань Лин.

После покушения на Ли Яньцю у подножия горы Динцзюнь, он, вернувшись, не мог не сообщить об этом Се Ю. Исходя из этого, можно предположить, что Се Ю, возможно, получал приказ разобраться с Му Куандой — и причина, по которой он этого еще не сделал, заключалась либо в отсутствии доказательств, либо, возможно, в том, что еще не настало подходящее время.

— Ничего страшного, — сказал Му Куанда. — Наша цель уже достигнута. Я приглашу его в ночь Праздника середины осени.

— Что?

Хотя Дуань Лин уже слышал об этом от Лан Цзюнься, он все же притворился удивленным.

— Иди отдыхать, — сказал Му Куанда. — Если понадобится, я тебя позову.

Дуань Лину и У Ду осталось лишь покинуть главный дом. В поместье Му уже вовсю шли приготовления к Празднику середины осени.

Не успел он оглянуться, как прошло уже столько дней. Дуань Лин задумался, стоит ли ему сходить к Ли Яньцю в ночь Праздника середины осени. Неужели ли он будет пить в одиночестве во дворе?

Вернувшись в комнату, У Ду снял верхнюю одежду. Бинты на его груди и спине снова просочились кровью.

— Проклятье, — произнес Дуань Лин. — Твои раны еще не зажили.

— Ничего серьезного, — ответил У Ду. — Надо просто нанести лекарство.

Стрелы, которыми пользовались убийцы, были отравлены. Но У Ду всегда носил с собой противоядие. Последние несколько дней шла настоящая война между ядом и антидотом. Дуань Лин даже поручил слугам поместья Му закупить ингредиенты для противоядия, но во многих аптеках города они уже закончились.

Не трудно было догадаться, что это дело рук Цай Яня. К счастью, в комнате оставалось еще немного трав. Дуань Лин приготовил новую порцию лекарства и наложил повязку.

— Вылечусь, — уверенно сказал У Ду. — Не переживай.

Он потянулся, чтобы обнять Дуань Лина, но тот остановил его:

— В последние дни мы только и делали, что метались туда-сюда. Раны не успевают заживать. Никакого вина и секса.

— Угу, — У Ду усмехнулся, и в его глазах мелькнула искра.

— Ты точно должен поправиться, — прошептал Дуань Лин.

— Больше половины моей ци восстановилось, — сказал У Ду. — В бою проблем не будет.

— После боя твои раны снова отроются, — уговаривал его Дуань Лин. — Хватит хвататься за меч по каждому поводу.

Он поцеловал У Ду в щеку, не в силах сдержать чувство вины. После возвращения в Цзянчжоу У Ду, и так израненный, таскался за ним по всему городу. Жара только усугубляла состояние ран от стрел, а ведь ему нужен был покой.

— Ван Шань! — с улыбкой вошел Му Цин.

Дуань Лин помог У Ду надеть одежду и жестом велел остаться в комнате отдохнуть.

— Вернулся? — Дуань Лин стоял во дворе, встречая гостя.

— Что случилось с У Ду? — Му Цин заглянул внутрь и обнаружил У Ду лежащим на кушетке.

Дуань Лин сказал Му Цину, что все в порядке, У Ду просто дремлет, и они бок о бок вышли из комнаты. Он спросил:

— Я был так занят после возвращения, что у меня не было времени поговорить с тобой. Ну как? Как работа в Зале канонов и истории?

Будучи учеником канцлера, Дуань Лин был номинально старше Му Цина, в то время как Хуан Цзянь обладал наибольшим старшинством. Когда Му Куанда был слишком занят, он оставлял своего сына под присмотром Хуан Цзяня. Он — человек серьезный и не такой гибкий, как Дуань Лин, поэтому, когда Му Цин выслушивал нравоучения Хуан Цзяня, он вспоминал о Дуань Лине.

— Очень тихо, — сказал Му Цин. — Каждый день там только и хочется, что спать. Раз никто не смотрит, я вернулся пораньше.

Дуань Лин и Му Цин по-прежнему вошли в резиденцию Му через черный ход и сели под крытой галереей. Му Цин велел подать чай, а Дуань Лин усмехнулся:

— Такой взрослый, а все еще нуждаешься в «присмотре». Неужели без надзора ты и жить не сможешь?

— Ты говоришь точь-в-точь как Хуан Цзянь, — сказал Му Цин, не зная, смеяться ему или плакать. Подражая отцу, он заварил чай, и они пили его, устроившись у галереи.

Наблюдая, как Му Цин готовит чай, Дуань Лин испытывал странное чувство. Каждый ребенок, взрослея, начинает походить на тех, с кем рядом провел годы. Раньше Му Цин не пил чай — только воду с медом. Но, повзрослев, он невольно перенял привычки Му Куанды: стал возиться с чайными принадлежностями, будто под незаметным влиянием.

Может, и он постепенно станет таким же, как Ли Цзяньхун?

— Ты уже навестил отца? — хотя Дуань Лин знал, что Му Куанда не стал бы раскрывать Му Цину много секретов, он все равно попытался выудить из его уст хоть какую-то информацию.

— Он снова отправился во дворец, — загадочно произнес Му Цин. — Ван Шань, позволь мне открыть тебе секрет. Моя тетя беременна. У меня будет младший брат.

Дуань Лин мгновенно застыл в изумлении.

— Младший брат?

— Младший двоюродный брат. Это от Его Величества, когда он был еще жив.

Слова были брошены невзначай, но слушатель воспринял их иначе. Дуань Лин на мгновение испугался, что Му Цин знает о «связи» между его «отцом» и «тетей». Но раз Му Куанда не был его кровным отцом, то все это касалось чужих семейных дел и не имело значения. Жаль только, что Му Цин до сих пор оставался в неведении... Когда Дуань Лин задумался об этом, он мог сказать лишь одно — какая неразбериха.

— Откуда ты знаешь, что будет брат? — спросил Дуань Лин. — Вдруг родится сестра?

— Просто думаю, что брат, — небрежно ответил Му Цин.

Дуань Лин кивнул:

— В последнее время в поместье были частые гости?

— Нет, — сказал Му Цин. — После новогодней ночи гостей почти не было. Ван Шань, мне иногда... страшно.

— Чего? — рассеянно спросил Дуань Лин.

Му Цин вздохнул:

— С начала этого года император явно охладел к моему отцу.

Дуань Лина вдруг пробрал холодок — Му Цин все же почувствовал неладное. Он обычно был беспечен, сохраняя юношескую непосредственность, но это не значило, что он слеп. Слухи при дворе, перешептывания в Зале канонов и истории, настороженное отношение чиновников к клану Му — все это не могло ускользнуть от него.

— Ничего страшного, — успокоил Дуань Лин. — Тебе просто кажется.

— Чан Люцзюнь тоже пропал, — продолжил Му Цин. — Ты ведь из-за этого вернулся, да?

— Нет, — ответил Дуань Лин.

Му Цин посмотрел ему в глаза, и в его взгляде мелькнула тень мольбы:

— Ван Шань... У нашей семьи неприятности?

— Нет, — нахмурился Дуань Лин. — С чего ты взял?

— Три месяца назад я слышал, как старшие из Зала канонов и истории говорили, что наш дом скоро падет. Тебя отправили в Хэбэй, Хуан Цзянь занялся сбором налогов... В Цзянчжоу почти не осталось своих.

— Разве я не вернулся? — произнес Дуань Лин. — Да и Хуан-шисюн, скорее всего, тоже скоро вернется.

— Но раз Его Величество не благоволил к семье Му, — продолжил Му Цин, — как же тетушка могла забеременеть? Раньше говорили, что у Его Величества никогда... не было наследников, так что, скорее всего, он был неспособен иметь детей.

Дуань Лина охватил шок. Сердце так бешено заколотилось, что перехватило дыхание.

Му Цин очень умен. Как только он закончил вопрос, выражение его лица потемнело, и он не стал продолжать.

— Кто еще знает, что она беременна? — спросил Дуань Лин.

Му Цин покачал головой.

— Только императорский лекарь и мой отец. Он велел мне никому не говорить.

Ли Яньцю давно все понял. От него ничего не скроешь.

А вот о том, кто зачал ребенка в животе Му Цзиньчжи, Дуань Лин спрашивать не смел.

— С тобой ничего не случится, — утешил он.

— Хорошо, что ты вернулся, — Му Цин снова улыбнулся.

Похоже, за последние полгода положение клана Му действительно стало крайне тяжким, настолько, что у Му Куанды не было иного выхода, кроме как вести себя прилично и не высовываться, пока все при императорском дворе ждали, что эта семья будет свергнута. Му уже почти двадцать лет обладали абсолютной властью в Великой Чэнь — их время почти истекло.

Но никто и представить себе не мог, что в последний момент Му Куанда каким-то образом сумеет изменить свою судьбу. Вот почему Су Фа и его приближенные так нервничали.

После того как Дуань Лин еще раз попытался его успокоить, у него возникло ощущение, что на них кто-то смотрит, и, подняв голову, он увидел человека в черной маске, который стоял на

улице и наблюдал за ними.

Дуань Лин не знал, сколько времени он там простоял. Когда мужчина заметил Му Цина, его глаза под маской засияли, и он улыбнулся.

— Чан Люцзюнь! — Му Цин удивленно воскликнул и бросился вперед, навалившись на него.

Му Цин был намного меньше Чан Люцзюня, он прыжком забрался ему на спину и был так рад его видеть, что не переставал кричать.

— Ты вернулся? — спросил Дуань Лин.

Чан Люцзюнь кивнул. Он развязал кошелек с деньгами на поясе и оттащил Му Цина, чтобы нести его на боку. Он приволок Му Цина в галерею и сказал ему:

— Я принес тебе кое-что интересное для игры.

Му Цин внезапно сорвал с Чан Люцзюня маску и разразился хохотом, а тот покраснел и произнес:

— Прекрати.

Чан Люцзюнь потянулся за маской, а Му Цин снова обхватил его руками.

— Куда ты пропал?! Почему ты даже не написал?!

— У меня отвратительный почерк. Я попросил молодого господина Ван передать тебе устное послание. Он не сказал тебе?

Дуань Лин улыбнулся. Му Цин недоверчиво посмотрел на Дуань Лина, сочтя странным, что тот скрыл это от него. Но раз Чан Люцзюнь вернулся, то это уже не имело значения.

Чан Люцзюнь снова надел маску. Пока его лицо было открыто, Дуань Лин смог разглядеть его. Между их лицами действительно было неясное сходство, особенно в том, как щурились их глаза, когда они улыбались. Просто татуировка белого тигра на его лице слишком бросалась в глаза, поэтому, впервые увидев его, Дуань Лин не сразу заметил общие черты.

Дуань Лин вспомнил, как Чан Люцзюнь рассказывал ему, что скрыл свою личность, чтобы присоединиться к Залу Белого Тигра. Возможно, именно из-за того, что он не хотел, чтобы его узнали, он сделал татуировку на лице и постоянно носил маску.

В детстве Чан Люцзюнь был, наверное, таким же красавцем, как и Му Цин.

— Где мастер Фэй? — спросил Дуань Лин.

— В приемной, — ответил Чан Люцзюнь. — А где У Ду?

— Он ранен. Сейчас лежит в постели и отдыхает, — ответил Дуань Лин, а затем добавил. — Пойду проведаю мастера Фэй.

Чан Люцзюнь кивнул. Дуань Лин встал, чтобы встретить Фэй Хундэ, и, уже собираясь уходить, подслушал разговор Чан Люцзюня и Му Цина позади.

— Откуда ты вернулся? Где ты был?

— Расскажу тебе позже. Раз уж вернулся, я больше никуда не уйду.

— Правда? Обещай, что сдержишь слово. Никуда больше не уходи...

— Я обещаю...

Услышав эти слова, Дуань Лин внезапно вспомнил ту весну в Шанцзине. Слезы будто подступили к горлу. Он прислонился к стене, постоял несколько мгновений, пока не пришел в себя, и вместо приемной направился к У Ду.

Тот лежал, отдыхая. Услышав шаги, он не открыл глаз, а лишь слегка подвинулся, освобождая место.

Дуань Лин подошел и обнял его. У Ду озадаченно спросил:

— Что случилось?

— Ничего, — глядя ему в глаза, ответил Дуань Лин, поцеловал в губы и добавил:

— Просто соскучился. Прибыл мастер Фэй Хундэ, так что пойду к нему.

— Пойдем вместе.

У Ду встал, накинул на себя верхнюю одежду и спросил:

— Чан Люцзюнь тоже вернулся?

Дуань Лин кивнул. Теперь поместье Му значительно прибавило в силе, и у Му Куанды уже было все необходимое, чтобы противостоять наследному принцу. Вот только ни одна из сторон не знала, что выжидал удобного случая для удара на самом деле Дуань Лин.

Фэй Хундэ только что вернулся из утомительного путешествия и воздержался от откровенностей с Дуань Лином. Они обменялись лишь парой фраз о пути. Чтобы избежать подозрений Му Куанды в сговоре, Дуань Лин не повел гостя внутрь, а остался пить чай в приемной, дожидаясь его возвращения.

К вечеру, узнав о прибытии Фэй Хундэ, Му Куанда поспешил устроить банкет с почестями, подобающими почетному гостю. После обмена любезностями Фэй Хундэ первым перешел к сути:

— Все эти годы Чан Пин часто повторял: «Тот, кто положит конец этой смуте, непременно будет южанином». Я странствовал по Ляо, Юань и Силян — и постепенно понял глубину его слов.

Му Куанда вздохнул:

— Не верится, что прошли уже годы. Все ваши прежние предсказания сбылись без исключений. К сожалению, мы были слишком недалководидны и не обладали замечательным талантом и находчивостью, в отличие от вас, мастер Фэй. Вы стояли на возвышенности и видели гораздо дальше

— Порой, будучи частью игры, трудно увидеть целое, — ответил Фэй Хундэ. — Даже с вашим талантом, канцлер Му, управлять югом в одиночку — достаточно сложная задача.

Дуань Лин и Му Цин сидели рядом, а Чан Люцзюнь и У Ду — позади них. Они молча слушали, как Му Куанда и Фэй Хундэ обсуждали текущее положение дел в мире.

В душе Дуань Лина поднялось странное чувство. Он знал, что во времена Ляо Фэй Хундэ фактически поддерживал Елюй Цзунчжэня, помогая ему в борьбе против Хань Вэйюна. Теперь, прибыв в Цзянчжоу, интересно, что об этом думает Му Куанда, тайно заключивший союз с тем самым Хань Вэйюном?

Фэй Хундэ определенно относился к Му Куанде с настороженностью. Странствуя между государствами, он сумел выжить — а это дорогого стоило. «Он знает слишком много внутренних секретов разных стран, — размышлял Дуань Лин. — Будь я на месте Елюй Цзунчжэня, никогда бы не позволил ему покинуть Ляо».

Остается только гадать, не защищен ли Фэй Хундэ и от него... Слушая анализ политической

ситуации от Фэй Хундэ, Дуань Лин размышлял о другом: с самой первой встречи тот словно ни секунды не сомневался в нем. Разве он не боялся, что его в конце концов устроят как ненужного свидетеля?

Казалось, Фэй Хундэ понимал каждого и предвидел их поступки с пугающей точностью.

— В ближайшие пять лет война маловероятна, — произнес Фэй Хундэ. — Канцлер Му, возможно, вам эти времена кажутся насыщенными событиями, но с моей точки зрения, годы кровавой бойни, продолжавшиеся столько лет, похоже, наконец-то подошли к концу.

— Я бы и рад положить этому конец, — вздохнул Му Куанда. — Но человеческие силы не безграничны. Боюсь, моих возможностей недостаточно.

— Все близится к завершению, — ответил Фэй Хундэ. — Ситуация лишь кажется хаотичной, но на самом деле в ней есть свои закономерности. Экономика юга постепенно восстанавливается, народ возвращается к жизни. Ляо и Чэнь также вступили в период относительной стабильности. Сейчас Чэнь нужно лишь время.

Му Куанда задумчиво молчал, а затем медленно кивнул. Ранее Дуань Лин докладывал ему: Фэй Хундэ уже догадывался о ситуации. Ведь после последней переброски войск в Е и приезда Ли Яньцю скрыть истинное положение дел от такого проницательного ума было невозможно.

Однако Му Куанда, избегая поводов для пересудов, так и не раскрыл Фэй Хундэ истинных планов. В глубине души он считал, что идея Дуань Лина отправиться на спасение императора наверняка исходила от Фэй Хундэ. Тот, вероятно, подтолкнул юнца рискнуть, а после известия о смерти Ли Яньцю вновь направил его обратно в резиденцию канцлера.

— Тогда прошу вас остаться на время в моем поместье, — сказал Му Куанда. — После похорон Его Величества дальнейшее обсудим.

Фэй Хундэ согласился, и Дуань Лин проводил его в покои, оставив Чан Люцзюня наедине с Му Куанда для допроса.

— Что вы сказали ему по дороге сюда? — спросил Дуань Лин.

— Все, что ему необходимо знать, — ответил Фэй Хундэ. — Сейчас ситуация опасна. Будьте предельно осторожны.

Дуань Лин едва слышно прошептал:

— Он жив.

Фэй Хундэ, казалось, опешил, но потом, немного поразмыслив, с улыбкой погладил бороду и кивнул Дуань Лину, примерно представляя, что задумал Ли Яньцю. Дуань Лин изначально не хотел раскрывать слишком много, но понимал: без помощи Фэй Хундэ ему не обойтись. Скрывать ключевую информацию было рискованно — ошибка в оценке ситуации могла стать роковой.

— После вашего отъезда император Елюй прислал письмо, — тихо произнес Фэй Хундэ. — Двадцать второго числа восьмого месяца в Цзянчжоу придут послы различных государств для выражения соболезнований. Ляо и Силян окажут вам тайную поддержку. Неизвестно лишь, явятся ли монголы.

Дуань Лин кивнул: видимо, Елюй Цзунчжэнь направит своих людей, чтобы подтвердить его личность.

— Благодарю вас, мастер Фэй, — сказал Дуань Лин.

— Успех или поражение зависят от этого шага, — Фэй Хундэ почтительно поклонился, и Дуань Лин тут же ответил тем же.

В полночь Чан Люцзюнь наконец вышел из кабинета Му Куанды, и, помолчав, направился к Му Цину. Тем временем Му Куанда вызвал управляющего, приказав начать подготовку к банкету в честь Праздника середины осени.

Дуань Лин подумал, что Чан Люцзюнь, похоже, тоже прошел проверку, и вернулся в комнату, чтобы лечь спать. Но мысли о Ли Яньцю не отпускали.

Около полуночи в окно тихо постучали. У Ду открыл его — за стеклом стоял Чжэн Янь в черной одежде.

Дуань Лин мгновенно сделал жест «тише», веля молчать, и Чжэн Янь указал наружу, предлагая следовать за ним. У Ду подхватил Дуань Лина на руки и выпрыгнул в окно.

Над Цзянчжоу повисла почти полная осенняя луна, ярко светящая на пороге середины осени. У Ду прыгал по крышам, словно тень, и вскоре они приземлились во дворе, где в уединении жил Ли Яньцю. Тот, облаченный в белые одежды, сидел за чаем с османтусовыми пирожными, любуясь луной.

— А я-то думал, случилось что-то серьезное, — сказал Дуань Лин.

— Ничего серьезного, — ответил Ли Яньцю. — Просто соскучился. Садись. Уже поужинал?

Дуань Лин сел напротив Ли Яньцю, и тот протянул ему кусок османтусового пирожного. В перерывах между чаем и сладостями Дуань Лин рассказывал Ли Яньцю все подробности того,

что произошло с тех пор, как они расстались, а тот лишь молча слушал, не произнося ни слова.

— Думаю, в ночь Праздника середины осени он попытается раскрыть всем истинную личность Цай Яня, — сказал Дуань Лин.

— Как насчет того, чтобы в ту ночь лично появился я? — предложил Ли Яньцю. — Скажешь, что это было моей задумкой.

— Нет, — тут же возразил Дуань Лин. — Сейчас неподходящий момент. Я хочу найти доказательства сговора Му Куанды с Хань Бинем.

— Слишком рискованно, — ответил Ли Яньцю. — Как ты собираешься их искать?

Дуань Лин вспомнил, как в Сычуани, в кабинете канцлера, среди стеллажей с меморандумами видел потайные ящики. Вероятно, там хранились переписка и списки имен — подобно тому, как это было у Бянь Линбая.

Ночь Праздника середины осени — самое подходящее время для поисков. Ведь в это время все внимание Му Куанды будет приковано к Цай Яню, и он даже не заподозрит, что Дуань Лин покинет его, чтобы совершить кражу.

Дуань Лин сообщил Ли Яньцю о своих планах, и тот ненадолго задумался над этим. В этот момент со стены донеслись звуки, и Дуань Лин и У Ду насторожились.

Лан Цзюнься перепрыгнул через стену и приземлился во внутреннем дворе. Сделав полшага назад, он опустился на колени и поклонился Ли Яньцю и Дуань Лину.

— Вставай, — приказал Ли Яньцю и продолжил беседу с Дуань Лином.

— Я так и не увидел приглашений, — сказал Дуань Лин. — Он все планировал за моей спиной и не раскрывал мне никаких подробностей.

— Этот ход он подготовил давно, — сказал Ли Яньцю. — Но как бы то ни было, после ночи середины осени останется всего семь дней до двадцать второго числа. Вопрос в том, как именно Му Куанда планирует раскрыть правду... и сгладить ситуацию...

Дуань Лин невольно посмотрел на Лан Цзюнься, гадая, зачем тот явился сейчас. Но Ли Яньцю не стал развивать тему. Не успели его слова стихнуть, как через стену перепрыгнул еще один человек, приземлившись во дворе. Это был Чан Люцзюнь.

С его появлением все замолчали. Дуань Лин удивленно воскликнул:

— Чан Люцзюнь?!

Тот немедленно опустился на колени, и Ли Яньцю обратился к Дуань Лину:

— Я приказал Чжэн Яню вызвать его. Чан Люцзюнь, признаешь свою вину?

— Ваш слуга признает вину, — напряженно ответил Чан Люцзюнь.

— Поскольку наследный принц просил о снисхождении от твоего имени, ты будешь избавлен от смертной казни. Но ты все равно будешь наказан. Как только все закончится, мы сведем с тобой счеты.

Огромный груз словно свалился с плеч Чан Люцзюня, и он дрожащим голосом сказал:

— Спасибо, что не убили меня, Ваше Величество.

— Кроме того, — сказал Ли Яньцю, — наследный принц уже рассказал мне все о тебе. Что произойдет в будущем, будет зависеть от твоей преданности.

— Моя преданность не вызовет сомнений! — Чан Люцзюнь внезапно склонился в поклоне, касаясь лбом земли. — Я обеспечу безопасность Вашего Величества!

— Не меня, — жестикулируя, произнес Ли Яньцю, — а наследного принца. Раз уж Жо-эр просил за тебя, ответственность за твою судьбу теперь лежит на нем.

— Поднимись, — мягко сказал Дуань Лин.

— Отныне приказы У Ду равны моим, — провозгласил Ли Яньцю, — и приказам покойного императора. Хоть Чжэньшаньхэ все еще не найден, и меча нет в руках У Ду, его власть превосходит владение мечом. Он обеспечивал безопасность наследного принца по поручению покойного императора. Пока что он будет руководить вами.

У Ду замер, удивленно уставившись на трех других убийц. В иной ситуации они, возможно, усомнились бы, но сейчас, когда Ли Яньцю сказал это при всех, им оставалось лишь в знак согласия поклониться.

Дуань Лин размышлял: у императорского дома свои символы власти, а у мира боевых искусств — свои. Истинным хранителем Чжэньшаньхэ должен был стать один из четырех, но Ли Яньцю требовал безусловной преданности их всех.

Верность Дуань Лину не вызвала споров. Но подчиняться У Ду? Каждый из них внутренне

сопротивлялся. Однако в эти смутные времена нужен был лидер — и лишь У Ду мог им стать.

— Итак, — продолжил Ли Яньцю, — в ночь середины осени, как только вы докажете связь Му Куанды с Хань Бином, Чжэн Янь известит Се Ю о введении комендантского часа в Цзянчжоу. У Ду поведет вас устранить Хань Бина, Му Куанду арестуют, а с самозванцем мы с Жо-эром разберемся сами.

Все снова кивнули.

Ли Яньцю обратился к Дуань Лину:

— Если не удастся получить письма, не торопите события. Я найду другой способ.

Дуань Лин кивнул и, немного подумав, сказал Лан Цзюнься, Чжэн Яню и Чан Люцзюню:

— Перед банкетом по случаю Праздника середины осени, который состоится послезавтра, мы должны встретиться и убедиться, что все будем действовать слаженно.

<http://bllate.org/book/15657/1400679>